

Мир науки. Педагогика и психология / World of Science. Pedagogy and psychology <https://mir-nauki.com>

2024, Том 12, № 3 / 2024, Vol. 12, Iss. 3 <https://mir-nauki.com/issue-3-2024.html>

URL статьи: <https://mir-nauki.com/PDF/67PSMN324.pdf>

5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

Ссылка для цитирования этой статьи:

Фазилова, А. Э. Личностные установки, влияющие на ролевую позицию в буллинге / А. Э. Фазилова // Мир науки. Педагогика и психология. — 2024. — Т. 12. — № 3. — URL: <https://mir-nauki.com/PDF/67PSMN324.pdf>

For citation:

Fazilova A.E. Personal attitudes influencing the role position in bullying. *World of Science. Pedagogy and psychology*. 2024;12(3): 67PSMN324. Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/67PSMN324.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.)

УДК 159.9.07

Фазилова Алие Эльдаровна

ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова», Симферополь, Россия

Преподаватель кафедры «Психологии», аспирант

E-mail: alie.fazilova@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-5768-1951>

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=1218512

Личностные установки, влияющие на ролевую позицию в буллинге

Аннотация. В статье проанализированы личностные установки, влияющие на ролевую позицию в структуре буллинга. Интерес к проблеме обусловлен отсутствием современных исследований личностных установок, позволяющих определить влияния убеждений на поддержания феномена буллинга в молодежной среде. Описаны наиболее типичные психологические особенности участников буллинга. Проведено эмпирическое исследование в два этапа: на первом этапе исследования выделены основные роли и позиции, занимаемые подростками в буллинге; на втором этапе изучены показатели когнитивных искажений, личностных установок и коммуникативной толерантности подростков с разными ролями в структуре буллинга. Был проведён сравнительный анализ между пятью группами подростков с различными ролевыми позициями в структуре буллинга по параметрам когнитивных искажений и коммуникативной толерантности с использованием Н-критерия Краскела — Уоллиса (SPSS-27). Исследование проводилось на базе Академии предпрофессионального образования КИПУ имени Февзи Якубова. В исследовании участвовали 150 респондентов, учащиеся 10–11 классов, которые сталкивались с ситуацией буллинга. Представлены результаты эмпирического исследования, которое охватило различные ролевые позиции подростков в структуре буллинга: инициатор, защитник, помощник инициатора, жертва и наблюдатель. Обосновано, что существуют достоверные корреляционные связи между индивидуальными личностными характеристиками и ролевой позицией в буллинге. Выводы исследования подчеркивают важность работы над личностными установками в рамках профилактики буллинга. Результаты исследования могут помочь исследователям и педагогам в разработке эффективных программ профилактики и вмешательства, направленных на снижение уровня дезадаптивных форм взаимодействия.

Ключевые слова: буллинг; буллинг-структура; личностные установки; когнитивные искажения; коммуникативная толерантность; жертвы буллинга; инициатор; наблюдатели; классный коллектив

Введение (актуальность)

Появление дискурсов, напрямую связывающих травлю и самоубийство, вероятно, является одним из факторов, превративших это явление в социальную проблему [1].

Параллельно с этим проведен ряд исследований, направленных на изучение причин травли. Так называемый «каузальный подход к буллингу» получил название «причинно-следственный подход к буллингу». Большинство исследований сосредоточено на личности жертв и инициаторов. Так, внимание исследователей сместилось с личности жертвы и агрессора на группы, которые были также вовлечены в данную структуру [2].

Интерес к проблеме обусловлен существованием активных наблюдателей, которые смотрят на травлю с развлечением, и сторонних наблюдателей, которые делают вид, что не замечают происходящего. Так, впоследствии Ш. Морита предложил «теорию четырехслойной структуры групп буллинга». Согласно данной теории, буллинг — это не проблема между жертвами и обидчиками, а проблема, в которой под вопрос ставится динамика всего классного коллектива. Данная теория получила широкое признание среди психологов-исследователей. Таким образом, в поддержку этой идеи были проведены различные исследования, в которых изучалась связь между психологическими особенностями участников буллинг-структуры и самим феноменом буллинга [3].

Негативные последствия, обусловленные травлей и виктимизацией, возникают не только в момент вызывающих событий, но и имеют перспективы формирования в будущем. Жертвы травли больше подвержены риску развития симптомов депрессии и низкой самооценки во взрослом возрасте, по сравнению с их сверстниками, которые не были жертвами [4].

Для инициаторов же это может быть негативное последствие в виде повышенного риска вовлечения в преступную деятельность [5]. Также стоит учитывать, что в случае жертв и инициаторов, могут наблюдаться трудности социальной адаптации в новом коллективе.

Акцентируя внимание на том, что травля — это проблема всего подросткового коллектива, стоит обратиться к первым исследованиям, которые были написаны в 1978 году Д. Ольвеусом. Автор обнаружил, что учеников травлили не из-за типичных характеристик аутсайдеров или социальных изгоев (например, ношение очков, другой одежды, необычная манера речи, избыточный вес и т. д.), а потому что они казались физически и/или эмоционально слабыми [4].

Австралийские исследователи Ригби и Сли (1993) выяснили, что большинство учащихся начальной и младшей средней школы выступали против буллинга и склонны были поддерживать жертв. Однако отношение детей к жертвам становилось менее поддерживающим по мере их взросления. В частности, они начинали испытывать неприязнь к жертвам буллинга и восхищаться зачинщиками. Позднее Ригби (1997) обнаружил, что по мере взросления старшие подростки становились более благосклонными к буллингу и чаще участвовали в нём. Кроме того, мальчики, как правило, имели положительное отношение к травле, чем девочки [7].

Аналогично, крупномасштабное исследование, проведённое в Италии и Англии, показало, что в обеих странах большинство детей выступало против буллинга, и поддерживало жертв [8]. Было обнаружено, что инициаторы больше склонны понимать других обидчиков, меньше сочувствовать страданиям жертв, реже вмешиваться, когда становятся свидетелями эпизода буллинга, и чаще присоединяются к травле других детей, которые им не нравятся.

Основываясь на анализе современных зарубежных литературных источников, для понимания механизмов буллинга необходимо принимать во внимание личностные и общепринятые установки, а также механизмы отчуждения моральной ответственности,

поскольку все они связаны с поведением, приводящим к буллингу [9]. Например, мета-анализ показал, что буллинг связан с общепринятыми представлениями об агрессии и моральном отчуждении.

Кроме того, при изучении буллинга учитываются пол и возраст. Девочки чаще становились жертвами буллинга в раннем и среднем подростковом возрасте, в то время как мальчики демонстрировали более высокий уровень виктимизации в старшем подростковом возрасте. Мальчики также были более склонны к агрессии, чем девочки. Исследования также показывают, что уровень буллинга обычно увеличивается с возрастом [10].

Травля считается деструктивным способом взаимодействия, поскольку оно оказывает негативное влияние на благополучие жертв и всех участников буллинг-структуры. Следовательно, необходимо понять, что мотивирует поведение, связанное с травлей, чтобы разработать эффективные меры по снижению ее распространенности.

Анализируя другое исследование, которое основано на социально-когнитивной теории морального воздействия. Данная теория рассматривает взаимную причинно-следственную связь между внутренними личностными факторами (такими как когнитивные, аффективные и биологические события), моделями поведения и событиями окружающей среды. Все они взаимодействуют и влияют друг на друга. Исходя из этого, мы можем предположить, что на поведение, связанное с буллингом, влияют как индивидуальные факторы, так и социальные факторы. Моральная приемлемость различных видов травли является возможным предиктором их совершения в подростковом возрасте. Более того, учитывая, что на эпизоды травли влияют предшествующие взаимодействия, установки и нормы группы сверстников в отношении этих ситуаций. Крайне важно понять, как личные убеждения и нормативные установки связаны с различными моделями поведения в этих эпизодах. Кроме того, известно, что на совершение буллинга влияют индивидуальные особенности [11].

Таким образом, помимо психологических особенностей участников буллинга, стоит учитывать и убеждения. Фактически, личностные установки позволяют людям уменьшить ответственность за ситуацию травли и чувство вины за такое поведение, несмотря на их мотивы.

В современных отечественных исследованиях изучение проблем буллинга и кибербуллинга в мире пока находится на стадии создания теоретической основы и сбора первичных данных. Исследования по этой теме часто включают сбор статистики о частоте разных ролей в ситуации травли в определенном регионе и описание основных форм школьного буллинга и кибербуллинга. Также можно отметить, что в большинстве работ не делается существенных различий между кибербуллингом внутри и вне школьного коллектива.

Так, В. Басюк обращает внимание на разрушительные последствия травли и издевательств в школьной среде. Он подчеркивает, что сегодня в российских школах формируется новый тип детей, для которых антисоциальное поведение становится нормой [12].

Исследователь Е.Н. Ожиёва, характеризуя буллинг, подчеркивает, что агрессор совершает насильственные действия с определённой целью и мотивацией [13].

В 2019 году М.А. Новикова и её коллеги разработали опросник для изучения школьного буллинга. Апробацию опросника провели на выборке из 871 учащегося средних и старших классов одной из школ крупного города России. Результаты исследования были опубликованы в 2021 году. Они показали, что за месяц до проведения опроса более трети учащихся столкнулись с той или иной формой буллинга. Чаще всего школьники становились свидетелями травли. Численность агрессоров лишь немного уступает количеству жертв, при этом многие ученики примеряли на себя обе роли [14; 15].

Мы отмечаем, что насилие приводит к негативным изменениям в мировоззрении и мотивации ребёнка. У детей, развивающихся нормально, обычно высокий познавательный интерес, жизнерадостность и открытость миру. Но ребёнок, переживший насилие, становится тревожным и замкнутым. Это влияет на его восприятие мира: он начинает видеть действительность не как интересную или красивую, а как опасную или безопасную. Фокус на поиске безопасных путей существования меняет активность ребёнка: он становится безынициативным, у него пропадает мотивация к учёбе и играм, он говорит «ничего не хочу». Также снижается его ответственность за свои поступки и выборы.

Насилие может приводить к формированию у детей негативных установок. Ребёнок, которого бьют, например, может начать считать, что наказания в виде физического насилия допустимы и даже необходимы, что физически сильный человек имеет право на неограниченную власть и контроль, а также что физическое насилие — это эффективный способ достижения цели.

Травля негативно влияет на когнитивное, эмоциональное, психологическое и физическое развитие детей по многим факторам. Подверженность к виктимности со стороны сверстников влияет на когнитивную гибкость и эмоциональную устойчивость. Когнитивная гибкость определяется как осознание альтернативных способов и вариантов адаптации к ситуации. \

Некоторые подростки испытывают трудности, когда им приходится искать пути решения. Соответственно, навыки решения проблем и когнитивная гибкость параллельны в поиске альтернативных способов разрешения ситуаций. Также на последнее могут повлиять убеждения, которые могут способствовать или поддерживать феномен буллинга среди молодёжи школьного возраста.

Так, мы считаем, что, учитывая множество потенциальных негативных последствий, связанных с буллингом и виктимизацией, изучение представлений и отношения учащихся к буллингу может помочь исследователям и педагогам в разработке эффективных программ профилактики и вмешательства, направленных на снижение уровня дезадаптивных форм взаимодействия. Эта информация может помочь понять, почему некоторые ученики становятся агрессорами, а другие нет, а также выявить личностные убеждения.

Цель исследования

Проанализировать личностные установки, влияющие на ролевую позицию в буллинг-структуре.

Методы исследования (подробное описание исследования)

Исследование основано на предположении, что у участников буллинга имеются индивидуальные личностные установки, которые нужно эмпирически подтвердить.

В исследовании был проведён сравнительный анализ между пятью группами подростков с различными ролевыми позициями в структуре буллинга по параметрам когнитивных искажений и коммуникативной толерантности с использованием Н-критерия Краскела — Уоллиса (SPSS-27).

Исследование проводилось на базе Академии предпрофессионального образования КИПУ имени Февзи Якубова. В исследовании участвовали 150 респондентов, учащиеся 10–11 классов, которые сталкивались с ситуацией буллинга.

Обсуждение результатов исследования

Группирующей методикой выступала методика «Буллинг-структура» Е.Г. Норкиной. На первом этапе исследования были выделены основные роли и позиции, занимаемые подростками в буллинге. В результате было установлено, что 15 % испытуемых являются инициаторами, 25 % — помощниками инициаторов, 17 % — защитниками жертв, 20 % — наблюдателями и 23 % — непосредственно жертвами буллинга.

На втором этапе были изучены показатели когнитивных искажений, личностных установок и уровень коммуникативной толерантности подростков с разными ролями в структуре буллинга. Для этого применялись следующие методы: «Опросник когнитивных ошибок, CMQ» А. Фриман, Р. Девульф, в адаптации А.Е. Бобров, Е.В. Файзрахманова, авторская анкета для старшекласников «Представление о буллинге» и «Диагностика коммуникативной толерантности» В. Бойко.

Для диагностики показателей когнитивных искажений был выбран опросник А. Фримана, Р. Девульф, в адаптации А.Е. Бобров, Е.В. Файзрахманова «Опросник когнитивных ошибок, CMQ». Были выявлены достоверные отличия по параметрам когнитивных искажений с помощью Н-критерия Краскела — Уоллиса в результате проведения сравнительного анализа между пятью группами выборки (табл. 1).

Таблица 1

Достоверные отличия выраженности когнитивных искажений у участников буллинга

Критерий	Эмпирические значения, $N_{эмп}$	Уровень статистической значимости, α
Упрямство	33,252	0,001
Максимализм	18,107	0,001
Катастрофизация	35,888	0,001
Чтение мыслей	15,107	0,005
Выученная беспомощность	10,822	0,005
Преувеличение опасности	14,714	0,004
Персонализация	13,975	0,005

Составлено автором

В результате исследования по параметрам когнитивных искажений было выявлено, что группе зачинщиков в большинстве присуще искажение по типу упрямство ($N_{эмп} = 33,252$, при $p \leq 0,005$). Упрямство как когнитивное искажение представляет собой тенденцию личности настойчиво придерживаться своих убеждений и взглядов, даже если представляются доказательства, противоречащие мнению. Данное искажение также известно как эффект подтверждения или предвзятость подтверждения.

Также стоит отметить, что группе инициаторов присуще когнитивное искажение по типу максимализм ($N_{эмп} = 18,107$, при $p \leq 0,005$). Максимализм представляет собой склонность личности рассматривать ситуации в крайних категориях, без промежуточных вариантов. Личность склонна видеть вещи либо хорошими, либо абсолютно негативными.

Было обнаружено, что группе помощников инициаторов присуще когнитивное искажение по типу катастрофизация ($N_{эмп} = 35,888$, при $p \leq 0,005$). Катастрофизация выражается в тенденции ожидать худшего сценария и преувеличивать вероятность и серьезность негативных событий.

В ходе исследования выявлено, что группе защитников в большинстве присуще когнитивное искажение по типу чтение мыслей ($N_{эмп} = 15,107$, при $p \leq 0,005$). Чтение мыслей способствует тому, что личность убеждена в том, что она знает, о чем думают другие, особенно в негативном ключе, без реальных доказательств.

Выявлено, что группе жертв присуще когнитивное искажение по типу персонализация ($H_{эмп} = 13,975$, при $p \leq 0,005$). Персонализация характеризуется склонностью принимать все происходящее на свой счет и считать себя причиной всех внешних событий.

Отмечено, что группе жертв также присуще искажение по типу выученной беспомощности ($H_{эмп} = 10,822$, при $p \leq 0,005$). Выученная беспомощность выражается в чувстве бессилия и убежденностью, что личность не может изменить или контролировать ситуацию.

У группы наблюдателей присутствуют тенденции к когнитивному искажению по типу преувеличение опасности ($H_{эмп} = 14,714$, при $p \leq 0,005$). Преувеличение опасности — тенденции преувеличивать вероятность и серьезность опасности или угрозы.

При анализе авторской анкеты «Представление о буллинге» у группы инициаторов были выявлены индивидуальные личностные установки по отношению к ситуации буллинга. Таким образом, при вопросе: «Жертвы сами виноваты в том, что подвергаются буллингу?», группа инициаторов чаще всего ориентировалась на нормализацию агрессии. Сравнение процентных долей с помощью критерия Фишера показало, что различия достоверны: 15 % респондентов придерживаются позиции, что буллинг — это обычное и допустимое поведение среди сверстников (ϕ -критерий, $p \leq 0,01$). 18 % респондентов при вопросе: «Доминирование — это способ завоевать уважение среди сверстников?», отвечают положительно, обозначая свою позицию, что превосходство можно получить через силу (ϕ -критерий, $p \leq 0,01$). Так, 30 % респондентов — уверены в том, что жертвы сами провоцируют буллинг своим поведением или внешним видом (ϕ -критерий, $p \leq 0,01$). Стоит отметить, что в данном случае подростки отмечали, что жертва вынуждает группу идти против нее. Мы делаем вывод, что в дальнейших исследованиях стоит обратить внимание на группе агрессивных жертв, поскольку это в корне меняет подход к сопровождению личности в ситуации буллинга. Личность, которая занимает позицию жертвы, но имеет дезадаптивную коммуникативную направленность является новой темой для проблематики исследования.

Было обнаружено, что у группы помощников инициаторов были выявлены индивидуальные личностные установки по отношению к буллингу. При вопросе: «Стоит ли вмешиваться в ситуацию травли?», респонденты придерживаются амбивалентных убеждений. Так, 25 % испытуемых уверены в том, что травля не несет в себе серьезных последствий для жертвы и окружающих (ϕ -критерий, $p \leq 0,01$). В частности, встречались ответы, что травля — это лишь шутки, насмешки и не несет в себе угрозы для окружающих. Еще 15 % при вопросе: «Травля — это проблема только жертвы?», убеждены в том, что проблема касается только того над кем был совершен акт травли (ϕ -критерий, $p \leq 0,01$). 10 % респондентов придерживаются мнения, что система образования — учебные заведения, сами не справляются с ситуацией травли (ϕ -критерий, $p \leq 0,01$).

В ходе исследования также были выявлены личностные установки у групп защитников. 35 % респондентов при вопросе: «Несет ли буллинг серьезные последствия для жертвы?», придерживаются крайней непримиримости к насилию (ϕ -критерий, $p \leq 0,01$). Таким образом, защитники твердо убеждены, что с ситуацией издевательств нужно бороться и ни в коем случае не подкреплять среди молодежи. Еще 24 % респондентов убеждены, что жертв нужно поддерживать и стремиться к тому, чтобы защищать слабых. Мы отмечаем прямую взаимосвязь с тем, что отмечали выше при исследовании когнитивных искажений (ϕ -критерий, $p \leq 0,01$). Так, 20 % испытуемых при вопросе: «Кто виноват в травле?», отмечают полную виновность агрессоров (ϕ -критерий, $p \leq 0,01$). Мы приходим к выводу, что последнее соотносится с когнитивным искажением по типу чтение мыслей, поскольку респонденты категорично убеждены, что никто кроме агрессоров не несет ответственности за происходящее.

При анализе результатов у группы жертв 24 % при вопросе: «Вы может повлиять на ситуацию травли?», отмечается вера в безысходность и невозможность справиться с обидчиками и ситуацией (ф-критерий, $p \leq 0,01$). Еще 15 % придерживаются мнения, что вина за происходящее лежит на них (ф-критерий, $p \leq 0,01$). Однако стоит отметить, что еще 25 % испытуемых убеждены в том, что виновниками травли является агрессор, т. е. именно зачинщик травли (ф-критерий, $p \leq 0,01$). Стоит также отметить, что в нашем исследовании группа жертв на вопрос: «Стремитесь ли вы найти поддержку у окружающих?», отвечают отрицательно, либо оставляют ответ незаполненным. Мы предполагаем, что данный вопрос также стоит включать в дальнейшие исследования, поскольку очень редко жертва сама стремится найти помощь у сверстников или у взрослых. Это является серьезной проблемой. Так, в статье Лучинкиной И.С., Фазиловой А.Э. было отмечено исследование, в котором рассматривалась выраженность суицидальных тенденций [16]. У группы жертв наблюдался низкий антисуицидальный фактор. Это свидетельствовало тому, что у жертв могут наблюдаться душевные переживания, несформированность устойчивых жизненных позиций, что может за собой повлечь серьезные суицидальные риски.

Анализируя личностные установки наблюдателей, мы отмечаем выраженность позиции игнорирования. Таким образом, 45 % респондентов на вопрос: «Стоит ли вмешиваться в ситуацию травли?» придерживаются позиции, что травля — это не их дело (ф-критерий, $p \leq 0,01$). Так, мы отметили, что большинство подростков убеждены, что если они не травят и не обижают никого, то в травлю вмешиваться не стоит. Мы отмечаем, что в дальнейших исследованиях стоит подробнее рассмотреть позицию наблюдателей, поскольку это большинство подростков, которые видят ситуацию издевательств. В нашем исследовании не отмечаются мотивы буллинга, однако возникает актуальный вопрос, который мы предложили ответить подросткам: «Испытываете вы страх перед тем, кто издевается над другими, подшучивает?». Всего 10 % респондентов среди групп наблюдателей отвечают положительно, остальные 80 % дают отрицательный ответ (ф-критерий, $p \leq 0,01$). Таким образом, мы делаем вывод, что в дальнейших исследованиях стоит сделать акцент на наличие у наблюдателей социально приемлемых показателей, поскольку исследований по ценностно-смысловой составляющей при ситуации буллинга практически нет. В исследованиях стоит эмпирически подтвердить наличие социальной преэмпативности. Поскольку очень часто наблюдатели придерживаются позиции большинства из-за страха быть исключенным из группы, либо вообще стать на позицию жертвы. Так, в статье Фазиловой А.Э. отмечается, что буллинг — социально меняющаяся система, соответственно позиции имеет тенденцию к смене ролей [17].

Для диагностики показателей коммуникативной составляющей была выбрана методика «Диагностика коммуникативной толерантности» В. Бойко. Были выявлены достоверные отличия по параметрам коммуникативной толерантности с помощью Н-критерия Краскела — Уоллиса в результате проведения сравнительного анализа между пятью группами выборки (табл. 2).

Таблица 2

**Достоверные отличия выраженности
коммуникативной толерантности у участников буллинга**

Критерий	Эмпирические значения, $N_{эмп}$	Уровень статистической значимости, α
Непринятие индивидуальности	23,532	0,001
Использование себя как эталона	10,502	0,005
Категоричность, консервативность	17,284	0,001
Неумение скрывать чувства	18,017	0,001
Плохое приспособление	11,025	0,005

Составлено автором

Далее в результате исследования по параметрам коммуникативной толерантности было выявлено, что группе агрессоров и группе помощников присущ признак непринятия индивидуальности ($H_{эмп} = 23,532$, при $p \leq 0,005$). Непринятие индивидуальности характеризуется как нежелание или неспособность признавать и уважать уникальные черты и особенности других людей. Часто личности может быть также свойственно единообразие, нетерпимость к отличиям, что может проявляться при взаимодействии с окружающими. Таким образом, мы отмечаем необходимость дальнейших исследований детско-родительских отношений и стилей воспитания для проверки предположения о том, что стиль воспитания в семье может служить причиной формирования установки нетерпимости к отличиям других людей.

Отметим, что группе защитников присущи тенденции к категории использование себя как эталона ($H_{эмп} = 10,502$, при $p \leq 0,005$). Использование себя как эталона может быть характерна тем, что личность сравнивает себя и свои собственные взгляды, убеждение и поведение как единственное правильное. То есть, у личности уже сформированы категоричные представления о правильности той или иной системы отношений и взглядов.

Группы инициаторов и защитников показывают тенденции к категоричности и консервативности ($H_{эмп} = 17,284$, при $p \leq 0,005$). Так, категоричность характеризуется, как склонность делать жесткие, однозначные выводы и суждения, без учета контекстов и нюансов.

Выявлено, что группа помощников инициатора показывает склонность к категории неумение скрывать чувства ($H_{эмп} = 18,017$, при $p \leq 0,005$). Характеризуется данная категория тем, что личность неспособна и не желает контролировать и регулировать свое отношение к тем, кто не обладает высоким уровнем общительности. Таким образом, личность может раздражаться, когда оппонент не может установить контакт, не может поддержать разговор или изолируется от общения. Так, мы предполагаем, что подростки часто выбирают объектом травли детей, которые могут являться аутсайдерами, игнорируемыми или изолированными, поскольку часто данная категория не желает по различным мотивам устанавливать и принимать общие правила коллектива.

Обнаружено, что у группы жертв отмечается категория плохое приспособление ($H_{эмп} = 11,025$, при $p \leq 0,005$). Плохое приспособление выражается, что для личности адаптация к самому себе важнее, чем адаптация к окружающим. Мы также отмечаем, что действительно существует категория подростков, которые целенаправленно игнорируют коллектив, поскольку не собираются менять категорию взглядов и убеждений для адаптации к коллективу сверстников.

Таким образом, анализ исследования подтвердил, что у участников буллинг-структуры существуют индивидуальные личностные установки, которые также выражаются в когнитивных искажениях и коммуникативной толерантности. Анализ результатов также подтвердил, что у участников могут проявляться установки в зависимости от их ролевой позиции. Однако за рамками исследования остаются ценностно-смысловые ориентации, мотивы и детско-родительские отношения, которые также могут способствовать формированию личностных установок. Это подтверждает анализ результатов таких ролевых позиций как инициатор, защитник и наблюдатель. Таким образом, результаты, учитывающие личностные установки учащихся в ситуации буллинга, могут помочь педагогам и специалистам в разработке эффективных программ профилактики травли в молодежной среде.

Выводы

Проведенное исследование позволило сформулировать следующие выводы:

1. Исследование личностных установок, влияющих на ролевую позицию в буллинге выявило, что существуют достоверные корреляционные связи между индивидуальными личностными характеристиками и ролевой позицией в буллинге.

Так, эмпирически выявлено, что группе инициаторов присуще когнитивные искажения по типу упрямство и максимализм. Группы инициаторов в большинстве ориентируются на нормализацию агрессии, превосходство через силу и уверенность, что жертва сама провоцирует буллинг своим поведением и внешним видом. Участники буллинга с выраженной категоричностью и неприятием индивидуальности чаще занимают позиции инициаторов или активных участников агрессии.

Эмпирически выявлено, что группе помощников инициаторов присуще когнитивное искажение по типу катастрофизация. Отмечено, что у группы помощников присутствует убежденность в сомнении последствий, вина жертвы и амбивалентность по отношению к буллингу. Также из всех ролевых позиций именно помощники отличаются низкой толерантностью к неумению проявлять чувства и устанавливать межличностные контакты.

Эмпирически выявлено, что у группы защитников наблюдается когнитивное искажение по типу чтение мыслей. Отметим, что у защитников присутствует убежденность о том, что к жертве следует проявлять эмпатию, а также данная группа испытывает нетерпимость по отношению к насилию. Стоит выделить, что, как и группа инициаторов, защитники категоричны и консервативны в собственных суждениях.

Эмпирически выявлено, что группе жертв присуще когнитивное искажение по типу персонализация и выученная беспомощность. В процессе анализа данных мы выяснили, что жертвам свойственно чувство безысходности, самообвинение, а также не характерен поиск поддержки. Обнаружено, что у группы жертв отмечается категория плохое приспособление, что также влияет на социальную адаптацию подростка в коллективе сверстников.

Эмпирически выявлено, что группе наблюдателей присуще когнитивное искажение по типу преувеличение опасности. Анализируя личностные установки наблюдателей, мы отмечаем выраженность позиции игнорирования и социальной преемственности. Мы предполагаем, что последнее может быть связано со страхом быть исключенным из группы, либо вообще стать на позицию жертвы, если не принять позицию большинства.

2. Выводы исследования подчеркивают важность работы над личностными установками в рамках профилактики буллинга. Программы, направленные на развитие эмоционального интеллекта, толерантности и уважения к индивидуальным различиям, могут способствовать формированию более здоровых и конструктивных моделей поведения.

3. В заключение, данное исследование подчеркивает необходимость комплексного подхода к изучению и коррекции личностных установок, влияющих на ролевую позицию в буллинге. Включение психологических тренингов и образовательных программ по развитию социальных навыков в школьную программу является перспективным направлением для формирования благоприятного и безопасного образовательного пространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Slavich, G.M., Tsomokos, D. Bullying fosters interpersonal distrust and degrades adolescent mental health as predicted by Social Safety Theory / G.M. Slavich, D. Tsomokos // *Nature Mental Health*. — 2024 — P. 328–336. DOI: 10.1038/s44220-024-00203-7.
2. Jones, L.M., Mitchell, K.J., & Finkelhor, D. Trends in youth internet victimization: Findings from three Youth Internet Safety Surveys // L.M. Jones, K.J. Mitchell, D. Finkelhor // *Journal of Adolescent Health*. — 2018 — V. 50 — № 2 — P. 52–56.

3. Smith, P.K. & Slater, M. The effects of bullying on academic achievement and school absences: Findings from the School Health Promotion study / P.K. Smith, M. Slater // Journal of Educational Psychology. — 2019 — P. 1025–1034.
4. Olweus D. Aggression and peer acceptance in adolescent boys: two short-term longitudinal studies of ratings / D. Olweus // Child Dev. — 1977. — P. 978–987.
5. Bradshaw, C.P. & Garbarino, J. Preventing bullying through school climate improvement: The role of bystanders and school policies / C.P. Bradshaw, J. Garbarino // Journal of School Violence. — 2020 — P. 329–341.
6. Bradshaw, C.P. Examining the Effects of Schoolwide Positive Behavioral Interventions and Supports on Student Outcomes: Findings from a Randomized Controlled Effectiveness Trial in Elementary Schools / C.P. Bradshaw // Journal of Positive Behavior Interventions. — 2013 — V. 3 — № 12 — P. 133–144.
7. Rigby, K. and Slee, P.T. The Peer Relations Questionnaire (PRQ). This is a widely used instrument for assessing bully/victim problems in schools / K. Rigby, P.T. Slee // University of South Australia. — 1993 — 133(1) — P. 83.
8. Thornberg, R. & Wänström, L. Bullying and its association with empathy and moral disengagement: A longitudinal analysis / R. Thornberg, L. Wänström // Child Development. — 2018 — P. 2325–2339.
9. Bjereld, Y., Daneback, K. & Petzold, M. Cyberbullying among Swedish adolescents: A longitudinal study of prevalence, incidence, and psychosocial determinants / Y. Bjereld, K. Daneback, M. Petzold // Journal of Adolescent Health. — 2020 — V. 4 — № 73 — P. 619–626.
10. Ttofi, M.M., & Farrington, D.P. Effectiveness of School-Based Programs to Reduce Bullying: A Systematic and Meta-Analytic Review / M.M. Ttofi, D.P. Farrington // Journal of Experimental Criminology. — 2011 — V. 7 — P. 27–56.
11. Коваленко А.И. Обзор основных идей когнитивной теории морального развития Лоренса Кольберга / А.И. Коваленко // Скиф. — 2017 — № 16. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obzor-osnovnyh-idey-kognitivnoy-teorii-moralnogo-razvitiya-lorensa-kolberga> (дата обращения: 04.06.2024).
12. Серых А., Басюк В., Лифинцева А. Особенности детских психосоматических расстройств / А. Серых, В. Басюк, А. Лифинцева // Развитие личности. — 2010 — Т. 1 — № 3. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-detskih-psihosomaticheskikh-rasstroystv> (дата обращения: 04.06.2024).
13. Ожиева Е.Н. Буллинг как разновидность насилия. Школьный буллинг / Е.Н. Ожиева // Рута. — 2001 — V. 6 — № 6 — С. 320.
14. Бегидова С.Н., Хабаху Ш.А. Школьный буллинг и его профилактика / С.Н. Бегидова, Ш.А. Хабаху // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. — 2022 — Т. 2 — № 2 — С. 298. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/shkolnyy-bulling-i-ego-profilaktika-1> (дата обращения: 05.06.2024).
15. Новикова М.А., Реан А.А., Коновалов И.А. Буллинг в российских школах: опыт диагностики распространенности, половозрастных особенностей и связи со школьным климатом / М.А. Новикова, А.А. Реан, И.А. Коновалов // Вопросы образования. — 2021 — № 3. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bulling-v-rossijskih-shkolah-opyt-dagnostiki-rasprostranennosti-polovozrastnyh-osobennostey-i-svyazi-so-shkolnym-klimatom> (дата обращения: 05.06.2024).

16. Лучинкина И.С., Фазилова А.Э. Психологические особенности личности с различными ролевыми позициями в буллинг-структуре / И.С. Лучинкина, А.Э. Фазилова // Мир науки. Педагогика и психология. — 2021 — Т. 9 — № 4. — URL: <https://mir-nauki.com/PDF/08PSMN421.pdf> (дата обращения: 05.06.2024).
17. Фазилова, А.Э. Особенности личности и ее ролевой позиции в структуре виртуального буллинга / А.Э. Фазилова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2020. — Т. 22 — № 312. — С. 492–494. — URL: <https://moluch.ru/archive/312/70698/> (дата обращения: 07.06.2024).

Fazilova Alie Eldarovna

Republic of Crimea Crimean Engineering and Pedagogical University the name of Fevzi Yakubov, Simferopol, Russia

E-mail: alie.fazilova@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-5768-1951>

RSCI: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=1218512

Personal attitudes influencing the role position in bullying

Abstract. The article analyzes personal attitudes that influence the role position in the structure of bullying. The most typical psychological characteristics of bullying participants are described. An empirical study was conducted in two stages: at the first stage of the study, the main roles and positions occupied by adolescents in bullying were identified; at the second stage, indicators of cognitive distortions, personal attitudes and communicative tolerance of adolescents with different roles in the structure of bullying were studied. The study was conducted on the basis of the Academy of Pre-Professional Education KIPU named after Fevzi Yakubov. The study involved 150 respondents, students in grades 10–11 who had experienced bullying. The results of an empirical study are presented that covered various role positions of adolescents in the structure of bullying: initiator, defender, assistant to the initiator, victim and observer. It has been substantiated that there are reliable correlations between individual personality characteristics and role position in bullying.

Keywords: bullying; bullying structure; personal attitudes; cognitive distortions; communicative tolerance; victims of bullying; initiator; observers; classroom staff